

Митрополит Иларион: Необходимо, чтобы всякий человек, который приходит в храм, чувствовал, что его здесь ждут

11 ноября 2012 года гостем программы «Церковь и мир», которую на телеканале «Россия 24» ведет председатель ОВЦС митрополит Волоколамский Иларион, стала солистка Большого театра Светлана Касьян.

Митрополит Иларион: Здравствуйте, дорогие братья и сестры. Вы смотрите передачу «Церковь и мир». Сегодня у меня в гостях солистка Большого театра Светлана Касьян. Но говорить мы будем не об опере и не о музыке. Здравствуйте, Светлана.

С. Касьян: Здравствуйте, Владыка. Я пришла с рядом вопросов, которые тревожат не только меня, но и подавляющее большинство россиян.

Заходя в храм, в первую очередь мы можем наблюдать такую картину: озлобленных бабушек, которые готовы в толпе чуть ли не удушить кого-то, при этом выражаясь ругательными словами. В такие моменты задаешь себе вопрос: «Неужели нельзя это как-то пресечь и искоренить? Неужели нельзя сделать так, чтобы такое не наблюдалось больше в нашей Русской Православной Церкви?»

Митрополит Иларион: Думаю, говорить о том, что подавляющее большинство россиян столкнулось в Церкви с непониманием или недоумевает по тем или иным вопросам, - это преувеличение. Большинство чувствуют себя в Церкви комфортно, спокойно, и лишь небольшой процент людей столкнулся с грубостью или непониманием. Это, конечно, совсем не извиняет тех церковных работников, которые грубо обращаются с приходящими в храм, потому что необходимо, чтобы всякий человек, который приходит в церковь, встречался с дружелюбием, с приветливостью и чувствовал, что его здесь ждут.

С. Касьян: Мы за этим и приходим в храм. Другой вопрос, который меня также тревожит – это то, что службы в наших церквях, как правило, долгие. А приходят в храм очень часто люди слабые, больные, которые в определенных обстоятельствах не могут выстоять всю службу. Я недавно наблюдала картину: мама моей подруги, которая только вышла из больницы, не могла простоять всю службу и она сказала: если бы в храмах стояли лавки, на которых можно было бы сидеть во время богослужения, она осталась бы до конца.

Митрополит Иларион: Нет такого правила, чтобы в Православной Церкви нельзя было бы сидеть за службой. Наоборот, если посмотреть устав богослужения, то можно увидеть, что существуют даже песнопения, которые называются «седальны», то есть в то время, когда они звучат в храме, положено сидеть. Кроме того, греческое слово «кафизма», которое применяется к чтению псалмов, означает ни что иное, как тексты, во время чтения которых предполагается, что молящиеся сидят. Наш церковный устав, который является византийским монашеским уставом, приспособлен, прежде всего, к монашескому богослужению и предусматривает такие моменты службы, когда можно сидеть. Благодаря тому, что человек во время службы то сидит, то встает, то становится на колени, он может и долгую службу выстоять без особых физических усилий.

На практике сложилось так, что монастырский устав у нас остался, а скамейки постепенно исчезли. Об этом вспоминали греки, которые посещали Московскую Русь в XVII веке; они говорили: самое большое для нас испытание на Руси - стоять на службах, мы не привыкли к таким долгим службам. Эта традиция у нас сохранялась и в дальнейшем. В советское время она тем более осталась неизменной, потому что храмов было мало и на богослужениях люди стояли в церквях, набитых битком. Сейчас у нас есть храмы, где, по крайней мере, по стенам ставятся скамеечки для тех, кто пожелает посидеть или просто не может выстоять всю службу на ногах.

Если говорить о православных храмах в Греции и некоторых других странах, то там просто стоят скамейки и люди сидят на службе. Думаю, у нас на приходах каждый настоятель должен чувствовать своих прихожан, слышать их мнение, и если необходимы скамейки, нужно их ставить.

С. Касьян: Еще есть вопрос церковного языка, который архаичен и зачастую непонятен, возможно, даже для самих священнослужителей. Зачем же служить букве, а не духу, когда, как мне кажется, нужно упростить язык, чтобы прихожанину в Церкви было проще молиться?

Митрополит Иларион: Вы ведь оперная певица, «Тоску», наверное, поете...

С. Касьян: Да.

Митрополит Иларион: На каком языке Вы ее поете?

С. Касьян: На итальянском.

Митрополит Иларион: А почему Вы поете на итальянском?

С. Касьян: Так написал автор.

Митрополит Иларион: Вот видите, автор написал на итальянском. Но, например, в советское время многие оперы переводили и пели на русском языке. Сейчас же вместо того, чтобы переводить на русский, их поют на языке оригинала и, например, в Большом театре появляются субтитры на русском языке, чтобы люди могли понять происходящее на сцене.

Вопрос о языке богослужения, конечно, непростой. Богослужение создавалось с тем, чтобы его люди понимали, - это факт совершенно неоспоримый. Богослужение должно быть понятным для людей. Но какими средствами можно добиться этого?

Вот представьте: придет с улицы в Большой театр человек, который воспитан на эстрадной музыке, на рок-музыке, и начнет слушать оперу «Тоска» на итальянском языке. Он ничего не поймет и скажет: «Что это, вообще, за музыка и что это за заведение? Поют на непонятном языке, бас-гитары там нет, барабанов тоже. Скукотища», - и в следующий раз не пойдет в театр. Я не хочу сравнивать храм с театром, но хочу напомнить, что для того, чтобы к чему-то приобщиться, нужно уметь себя к этому готовить и воспитывать себя так, чтобы оказаться способным воспринять ту культуру, с которой соприкасаешься.

Богослужение Православной Церкви – это не просто набор каких-то слов и звуков, это некий синтез. Вам это знакомо, ведь и опера также является синтезом: в ней есть сценическое действие, есть музыка, многое зависит от голосов певцов. В храмовом богослужении сами своды храма, иконы, которые изображены на стенах, в иконостасе, уже настраивают человека на определенный молитвенный лад; этому способствует церковное пение, те или иные движения, торжественные входы, выходы, каждение, поклоны, наконец, сам богослужебный язык. Язык богослужения действительно требует определенного изучения. При этом человек, который регулярно ходит в церковь, как правило, начинает понимать кто восемьдесят, а кто - девяносто процентов службы. Но есть такие тексты, которые читаются раз или два в году. Наверное, их можно было бы читать на более понятном языке, например, на русском.

Церкви требуется какое-то время для того, чтобы определиться, как поступать в таких случаях. Очень важно не наломать дров, потому что в истории нашей Церкви был раскол, который образовался не то что из-за языка, а из-за правописания некоторых слов, из-за редакции славянского текста. Этот раскол не утравлен до сих пор. Прежде чем мы пойдем навстречу тем людям, которые говорят: «Давайте сделаем богослужение более понятным», - нужно убедиться в том, что такие шаги не расколют нашу Церковь, не обидят тех людей, которые любят славянский язык, и что такого рода реформы не нарушат строй нашего православного богослужения, который складывался на протяжении веков.

С. Касьян: Еще один вопрос хочется задать: финансы и Русская Православная Церковь.

Понятно, что чем больше материальных средств будет у Церкви, тем больше у нее будет возможностей направить их на благие цели, на помощь детским домам и прочим учреждениям. Но мы также можем наблюдать такую картину: одни священнослужители ведут нищенское существование в то время, как другие позволяют себе ездить на «Мерседесах». Многие понимают, что машины могут быть получены в дар от тех или иных людей, но встает сразу вопрос, как расценивать подобные подарки...

Митрополит Иларион: В Ваших словах я слышу распространенные стереотипы, которые сегодня звучат в средствах массовой информации. Вот, мол, священники разъезжают на дорогих иномарках, носят дорогую одежду... В Русской Церкви сейчас более 30 тысяч священников, абсолютное большинство из них – это люди малообеспеченные. Кроме того, очень многие священнические семьи многодетные. Есть семьи, где по восемь, десять детей. Лишь незначительное число священнослужителей - как правило, те, которые служат в больших городах на крупных приходах, где действительно есть немалые доходы, могут позволить себе ездить на дорогих машинах. Нельзя также забывать о том, что автомобиль чаще всего является не личной собственностью священника, а служебной машиной: сегодня он на ней ездит, а завтра выйдет на пенсию и пересядет на Жигули или на трамвай.

Если же вы посмотрите на жизнь наших священников в деревнях, то увидите, что многие из них живут очень бедно. Я хорошо помню, как сам служил в деревне. Это было более двадцати лет назад, когда еще только начиналось возрождение церковной жизни. У меня не было машины - ни дорогой, ни дешевой, а в ответственности моей находилось четыре прихода в Литве в отдалении от крупных городов. Между этими приходами, расположенными на расстоянии 50-80 километров один от другого, не было никакого регулярного сообщения, то есть каждый раз добраться с одного прихода до другого было большой проблемой: приходилось искать каких-то знакомых с машиной, а иной раз на лошадях доводилось ехать или просто идти по дороге и поднимать руку с надеждой, что, может быть, какая-то проезжающая мимо машина остановится и подберет. Многие священники до сих пор живут в таких весьма скудных и трудных условиях.

Светлана, спасибо Вам за Ваши вопросы и за то, что Вы были гостем моей передачи.

С. Касьян: И вам, дорогой Владыка, спасибо за исчерпывающие ответы.